

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1999 г. О.В. ЛУКИН

ЧАСТИ РЕЧИ В АНТИЧНОЙ НАУКЕ
(ЛОГИКА, РИТОРИКА, ГРАММАТИКА)

Теория частей речи – одна из центральных теорий языкознания на протяжении всей его истории. Сам термин "части речи" мы встречаем сейчас в самых разнообразных исследованиях – по морфологии и синтаксису (как общих, так и отдельных языков), лексикологии, общему, сравнительному и прикладному языкознанию, в работах по методике преподавания языков (как родных, так и иностранных) и др. Неудивительно, что "части речи" в одних и "части речи" в других публикациях – нередко совершенно различные понятия, несмотря даже на то, что сам состав частей речи одних авторов в точности повторяет частеречную номенклатуру многих и многих других вслед за знаменитым учебником Дионисия Фракийского *Τέχνη γραμματική*¹.

Многообразие терминов, которыми теория частей речи богата как никакая другая теория в науке о языке, имеет, разумеется, свои корни, свои истоки. О них нередко забывают как исследователи, критикующие своих предшественников и современников за различного рода непоследовательности, пестроту и необоснованность терминов для обозначения одного и того же языкового феномена, за пресловутое смешение критериев классификации и многое другое, так и те, кто, не оглядываясь на авторитеты, предлагает все новые и новые "собственные" термины². Единственным объяснением такого положения вещей, основанным на анализе частеречных построений от Аристотеля до нашего времени, может быть, на наш взгляд следующее: многообразие частеречной терминологии – следствие мотивов и интересов, задач и установок авторов каждой отдельно взятой системы частей речи, существующих на фоне научной парадигмы своего времени, своего этапа развития науки.

Появившись более двух тысячелетий тому назад, частеречная теория и по сей день является предметом самых острых споров языковедов различных специальностей, школ и направлений. Один из бесспорных парадоксов этой теории уже заключается в том, что теория частей речи и грамматика в современном смысле этого слова в немалой степени обязаны своим появлением самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии – прежде всего у Платона и Аристотеля [Paul 1978: 187]. Разнородность терминов, относящихся к теории частей речи даже в теориях того времени, может быть объяснена в числе прочих причин самими

¹ Д. Херубим оценивает "Грамматику" Дионисия Фракийского не как грамматику отдельного языка в узком смысле этого слова, а как инвентарь общих грамматических терминов [Cherubim 1976: 126].

² Ср., например, такое полемическое высказывание Г. Гассера в его статье о разнообразии частеречной терминологии, встречающейся в грамматиках немецкого языка, опубликованных после 1950 года, где он указывает на "противоречие между запутывающим многообразием терминов и значительной идентичностью обозначаемых этими терминами понятий: «Zu den Lieblingsthemen deutscher Grammatiker, Linguisten oder Sprachwissenschaftler (wie auch immer sie sich nennen) gehört die Einteilung der deutschen Wörter in Gruppen – diese terminologisch nicht festgelegte Umschreibung ist nötig, denn so lieb dem einen der Terminus 'Wortart' ist, so entschieden und wohlbegründet verwirft ihn ein anderer, der 'Wortklasse' vorzieht oder sonst einen Terminus» [Gasser 1984: 41].

непохожими задачами, которые ставили перед собою философы различных античных, прежде всего древнегреческих, школ для объяснения феноменов своего родного языка (ср. [Augoux 1988: 58]), а также нечеткостью их терминологии (ср. [Cherubim 1976: 118]). Как указывает Р.Г. Робинс, Платон концентрировал свое внимание на структуре предложений как движущих сил логических аргументов, Аристотель ставил перед собою задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще, для стойкого изучения языка, включающего грамматику, этимологию и риторику, стало центральной частью их философских исследований, александрийские филологи (литературные критики) рассматривали грамматику прежде всего как инструмент, необходимый для оценки литературного произведения и установления подлинности текстов ранних авторов [Robins 1966: 6].

Значение Аристотеля Стагирита (384–322 гг. до н.э.) в формировании языкознания вообще и частеречной теории в частности исследователями его творчества оценивается по-разному. Одни считают его заслугой как ученого лишь незначительное развитие взглядов его учителя Платона Афинского (427–347 гг. до н.э.)³, другие называют Аристотеля основателем традиционной грамматики, особенно учения о частях речи и синтаксиса⁴. Очевидно, истина лежит между этими полярными точками зрения: Аристотель – один из величайших ученых, предвосхитивших появление языкознания⁵.

Однако самое важное значение имеет самый факт того, что Аристотель был основателем и крупнейшим представителем классической (аристотелевской) логики, которая может быть названа учением о понятии, суждении и умозаключении, и три основные аксиоматические принципа которой не могли не оказать своего влияния как на понимание Аристотелем самой идеи частей речи, так и на развитие учения о частях речи в последующие столетия. Логика занимала у Аристотеля особое место в парадигме наук, она не входила ни в одну из его философий: "...теоретическую (умозрительную) философию, цель которой – знание ради знания, практическую, цель которой – знание ради деятельности, и поийетическую (творческую), цель которой – знание ради творчества" [Лебедев 1983: 36]. Логика для Аристотеля – "...не самостоятельная наука, а пропедевтика ко всему комплексу наук" [Лебедев 1983: 36]. Вместе с тем нельзя не отметить и "обратного" влияния – влияния структуры родного Аристотелю греческого языка на созданные им категории и принципы логики.

Первый принцип формальной логики – принцип идентичности – провозглашает равенство вещи самой себе, стабильность ее признаков и атрибутов, из чего следует равенство понятия самому себе. Второй аристотелевский принцип – принцип запрещенного противоречия – заключается в том, что два противоречащих друг другу высказывания не могут быть истинными одновременно. И, наконец, третий принцип – принцип исключенного третьего – состоит в том, что один элемент или понятие подпадает под одно или другое понятие, или что высказывание о чем-то или истинно, или ложно.

Двоичность аристотелевской формальной логики оправдывается следующим соображением: двоичность и разложимость действительности на альтернативы – не свойство, представляемое миром без нашего участия, а способ, которым мы успешно воздействуем на мир [Weizsäcker 1979: 303]. В соответствии с третьим принципом формальной логики, в языкознании как бы предопределяются некоторые бинарные оппозиции, прежде всего оппозиция 'имя/глагол', а также другие бинарные оппозиции, предлагавшиеся в разное время исследователями теории частей речи.

³ "Aristoteles ist nur sehr wenig über Platon hinausgekommen" [Arens 1969. 15].

⁴ "Erst Aristoteles (384–322 v. Chr.) war es, der in die Geschichte der Sprachwissenschaft als Begründer der europäischen Grammatik einging" [Ivić 1971: 14]; "Но подлинным основоположником античной языковедческой традиции, сформировавшим ее структуру и основные направления, является Аристотель" [Бокадорова 1990б. 35].

⁵ "Weitere Beispiele für außerlinguistische Motivationen, die sich in der Begriffs- bzw. Kategorienbildung niederschlagen, lassen sich nicht nur bei Aristoteles finden, der ja eher als Vorläufer, nicht als Begründer der Sprachwissenschaft angesehen werden muß" [Cherubim 1976: 119].

Именно бинарность оппозиций, обоснованная аристотелевской логикой, имела важное значение в истории науки вообще и науки о языке в частности⁶. Собственно говоря, она как бы была импульсом для выделения последующими философами (прежде всего стоиками и александрийцами) дальнейших частей речи из уже выделенных Аристотелем. Причем задачи, которые при этом ставили перед собою Платон и Аристотель, с одной стороны, и стоики и александрийцы, с другой, не только не совпадали (это, разумеется, не были задачи классификации частей речи), но и вообще не относились к грамматическим вопросам в современном их понимании: Платон и Аристотель ввели понятия *ὄνομα* и *ῥῆμα* как элементы, от которых зависит истинность или ложность высказывания⁷; стоики, исследовавшие вопросы детерминации субъекта, расчленили *ὄνομα* на имя собственное и нарицание⁸, затем отделили от союзов члены (артиклы), и от имен – местоимения. Впоследствии от глаголов были отделены наречия, а от нарицательных слов – причастия, что завершило классическую александрийскую восьмичленную схему частей речи.

Все три аристотелевских логических принципа имеют непреходящее значение для общей теории частей речи хотя бы потому, что последняя появилась и развивалась на фоне принципов классической логики, которым на протяжении более чем двадцати веков не было никакой альтернативы. Части речи как части речевой субстанции не могли не отвечать требованиям первой аксиомы – быть идентичными самим себе. Согласно третьему принципу употребление одной части речи предполагает неупотребление другой и наоборот, что для всей частеречной проблематики имеет важное системное значение, имплицитно, в конечном итоге, различение (и выделение с последующей классификацией) самих частей речи.

Вторая аксиома Аристотеля, как ни странно, имеет в наибольшей степени терминологическое значение: в частеречной терминологии один и тот же денотат называется нередко разными терминами, что свидетельствует о различных подходах к данному феномену со стороны разных исследователей. Данное положение может быть с успехом проиллюстрировано даже употреблением самого термина "части речи" Аристотелем и последующими учеными: Аристотель не употреблял ни термина *στοιχεῖα τοῦ λόγου* (элементы речи), ни *μέρη τοῦ λόγου* (части речи)⁹, 20-я глава его "Поэтики" посвящена *μέρη τῆς λέξεως* (частям словесного изложения)¹⁰. Все перечисленные три термина, равно как и четвертый – *στοιχεῖα τῆς λέξεως* (элементы словесного изложения) – еще в античной философии не получили абсолютно однозначной трактовки и нередко отождествлялись, что было неудивительно на фоне борьбы различных философских школ Древней Греции.

Впрочем, не должна вызывать удивления и широчайшая палитра терминов современного языкознания, относящихся к "частям речи": это лишь слабый отголосок терминологического разнообразия, доставшийся от философов античности современным лингвистам, которое последние просто принимают за абсолют. Кроме того, нельзя игнорировать и того вполне очевидного факта, что употребляемые современным

⁶ "Das zweiwertige Denken und die zweiwertigen Ordnungsraster vereinfachen die Welt, aber die Welt muß auch vereinfacht werden, weil jeder Organismus nur ein begrenztes Inventar von Reaktionsmöglichkeiten hat, um auf aktuelle Situationen zu reagieren" [Köller 1988: 179].

⁷ "Zu Unrecht leite Sokrates aus der Wahrheit oder der Falschheit des λόγος die Wahrheit oder die Falschheit der ὀνόματα ab..." [Rijlaarsdam 1978: 68].

⁸ "...die Stoiker, die die Fragen der Determination des Subjekts der Bahaftung untersuchten, wurden natürlich veranlaßt, der anfänglichen Dichotomie die Opposition der Eigennamen (onoma) zu den Appellativa (prosegoria) hinzuzufügen..." [Auroux 1988: 58].

⁹ Некоторые исследователи связывают происхождение термина *μέρη τοῦ λόγου* со стоиками: «Der Terminus "Redeteile" und die Vorstellung von großen und kleinen Teilen der Rede stammt wohl aus der Rhetorik. Die Rhetoren bezeichneten mit "Redeteile" (*μέρη τοῦ λόγου*) die Abschnitte der Rede (*προοίμιον, διηγήσεις, πίστεις, ἐπίλογος*)» [Rijlaarsdam 1978: 71–72].

¹⁰ Ср.: «Раздел "Поэтики", посвященный теории стиля, "словесного изложения" (*λέξις*), Аристотель открывает рассуждением о "частях" *λέξις*. Таких частей восемь: элемент (т.е. звук – *στοιχεῖον*), слог (*συλλαβή*), союз (*δύνδεσμος*), член (*ἄρθρον*), имя (*ὄνομα*), глагол (*ῥῆμα*), падеж (*πτῶσις*), предложение ("речь" – *λόγος*); *λόγος* понимается при этом как связная речь любых размеров...» [Тронский 1941: 24].

языкознанием термины, унаследованные из античной философии, не могут иметь тех же значений, какие они имели в трудах греческих философов: любой термин в иной научной парадигме, научной парадигме совершенно другого времени не может значить того же, что, например, сейчас¹¹. Да и сами термины *ὄνομα* и *ῥῆμα*, значившие во времена Платона и Аристотеля в разговорном языке соответственно 'слово' и 'оборот речи', приобрели у стоиков и александрийцев совершенно иное значение. При этом логико-синтаксический смысл стоического противопоставления *ὄνομα/ῥῆμα* как элементов предложения (высказывания, суждения) александрийцами был утерян, и их противопоставление свелось к морфолого-семантическим различиям [Cherubim 1976: 118].

В соответствии с принятой греческой традицией Аристотель трактовал грамматику как "учение о звуках речи". В области, лежащей между "учением о звуках речи" и логикой, он описывает язык как форму изображения мышления¹². Три части речи – *λόγος*, *ὄνομα* и *ῥῆμα* – он описывает, исходя из структуры логического суждения, высказывания на его родном древнегреческом языке¹³, причем не любого высказывания, ср.: "Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо" [Аристотель 1978б 2: 95 (17а 2–4)].

Многие философы и лингвисты считают, что взгляды Аристотеля и Платона на понятия *λόγος* и его отношения с *ὄνομα* и *ῥῆμα* не совпадали. Однако сейчас едва ли возможно сказать, что именно имели в виду оба величайших философа, используя данные термины. Различные интерпретации и переводы произведений Платона и Аристотеля способны на первый взгляд подчеркнуть противоречия их теорий, однако их совокупность помогает понять всю широту и глубину их философской мысли, которую некоторые исследователи намеренно сужают для собственных потребностей. Не случайно А.Ф. Лосев сравнивал сочинения Платона с большим оркестровым произведением, по отношению к которым перевод претендует на роль переложения той или иной темы для какого-либо несложного инструмента [Лосев 1968: 62]. Распространенное мнение, что для Платона *λόγος*¹⁴ состоит из мельчайших частиц – *ὀνόματα*¹⁵, а по Аристотелю *λόγος* состоит обязательно из двух частей – *ὄνομα* и *ῥῆμα* [Paul 1978: 198; Steinthal 1890, I: 239], если не неверно по своей сути, то представляет собой, по крайней мере, весьма узкое толкование мыслей величайших философов древности. Их теории настолько широки и многогранны, что практически каждый исследователь способен найти в них то, что он ищет. Нерасчлененность, своеобразный синкретизм античной философии многих вводит во искушение трактовать тот или иной термин так, как это соответствует их установкам и целям исследования.

Аристотель был одним из первых в истории философии, кто глубоко и методически обоснованно задумался о структуре бытия и знания как такового. Его учение о

¹¹ Ср. показательное в этой связи высказывание В.А. Звегинцева о языке В. фон Гумбольдта "Не нужно забывать и того, что Гумбольдт был человеком своего времени и говорил он также на языке своего времени" [Звегинцев 1984: 358].

¹² "Im Bereich zwischen der Lautlehre einerseits und der Logik andererseits beschreibt ARISTOTELES die Sprache als Darstellungsform des Denkens, er faßt die Sprache gegenständlich, soweit sie Bedeutung trägt, also als bedeutsames Lautgebilde, und gliedert sie in die drei Klassen Logos, Onoma und Rhema." [Paul 1978: 198, cp. Steinthal 1890, I: 238].

¹³ "Onoma ist ein nach Übereinkunft bedeutsames Lautgebilde ohne Zeitangabe, dessen Teile keine eigene Bedeutung tragen, Rhema ist nur als Zeitangabe und als Zeichen der Aussage, nicht aber für sich ein bedeutsames Lautgebilde, Logos ist ein bedeutsames Lautgebilde, dessen Glieder teilweise als Gesagtes, nicht aber als Aussage etwas bedeuten" [Paul 1978: 198, Aristoteles 1968: 95–98].

¹⁴ *Λόγος* имеет у Платона, по меньшей мере, три значения 1) "обнаруживать свою мысль через звуки посредством глаголов и имен, впечатлевая свое воззрение в потоке, исходящем из уст, как в зеркале или воде" (206d), 2) "когда о чем-то спрашивают, что это такое, в ответ перечисляются составляющие это буквы." (207a), 3) "Третий смысл логоса – это приобретение знака, по которому искомое можно было бы отличить от всего прочего" (208c) [Васильева 1979: 283].

¹⁵ «Die Frage, ob *ὄνομα* an unserer Stelle im *Kratylos* (385b–c) die Bedeutung von "Substantiv" hat, ist verneinend zu beantworten. Die *ὀνόματα* werden die kleinsten Teile des *λόγος* genannt. Nun ist ein Verbum ein genauso kleiner Teil der Rede wie ein Substantiv, so daß die Bedeutung "Substantiv" hier schlechthin nicht in Frage kommt. *ὄνομα* bedeutet hier "Wort", das Wort ist der kleinste Teil der Rede» [Rijlaarsdam 1978: 67].

категориях, изложенное в трактате "Категории", обобщило "...попытки предшествующей философской мысли выделить наиболее общие понятия о мире и способах его познания" [Спиркин, Ярошевский 1983: 251]; причем эта его заслуга намного значительней заслуги деления речи на части. Таблица, включающая десять аристотелевских категорий "...оказала определяющее влияние на развитие учения о категориях вплоть до нового времени, когда были предприняты попытки изменить ее состав в связи с достижениями философии и конкретных наук" [Спиркин, Ярошевский 1983: 251]. Категория сущности (субстанции)¹⁶, с одной стороны, и категории качества, количества, отношения, места, времени, положения, обладания, действия, страдания (претерпевания), с другой, составляют своеобразную бинарную оппозицию [Köllet 1988: 212–213].

Данные категории релевантны как для логики, так и для языкознания, причем их трактовка логиками зачастую отличается от собственно лингвистической: из десяти категорий «...только 1-я категория указывает сферу субстанционально сущего, все остальные – сферу акционально сущего. Например, предикат "белый" сказывается о "человеке" как о своем "подлежащем" (*ὑποκείμενον*), но не наоборот. "Подлежащее" на логическом уровне выступает как "субъект" предикатов, на онтологическом – как "субстрат", которому имманентны денотаты этих предикатов» [Лебедев 1983: 36].

Значительный интерес представляет сравнение логической и лингвистической трактовок терминов "субъект" и "предикат", ср.: «Термины, входящие в состав высказывания, традиционно подразделяют на субъект (в логических формах его позиция указывается буквами *a* и *S*) и предикат (позиция указывается буквой *P*). Однако в употреблении этих двух последних обозначений существует некоторая двусмысленность. Действительно, обычным является определение субъекта как того, о чем утверждается в высказывании, а предикта – как того, что утверждается о субъекте. В таком случае эти два термина являются знаками не лингвистических объектов как составных частей предложения, а чего-то находящегося вне данных предложений, т.е. существующего в той области объективной реальности, которая этими предложениями описывается. Например, в высказывании "Сократ – греческий философ" субъектом в соответствии с указанным определением этого термина будет не термин "Сократ", а тот конкретный человек, который жил в Древней Греции и с которым были связаны известные нам исторические события. Точно так же предикатом является не сам термин "древнегреческий философ", а свойство "быть древнегреческим философом", которое объективно существовало и, в частности, было присуще Сократу. Ясно, что подобное употребление терминов "субъект" и "предикат", когда, с одной стороны, они применяются для обозначения лингвистических объектов, а с другой, внелингвистических, реальных объектов, является двусмысленным и нежелательным» [Бочаров 1984: 16–17].

Весьма показательна трактовка категорий *ὄνομα* и *ῥῆμα* представителями неиндоевропейской культурной среды. Исследователь из Тайваня Венлин Пенг в своей философской диссертации, защищенной в Тюбингене, интерпретирует членение "лого-са" на *ὄνομα* и *ῥῆμα* как членение на "подвижное" и "неподвижное"¹⁷, являющееся, по его мнению, интересной характеристикой индоевропейских языков и формой познания европейской философии [Peng 1993: 140], но невозможное в китайском языке¹⁸. Взаимосвязь философии и логики с определенным языком, на котором они формируются и

¹⁶ «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду "человек"; а род для этого вида – "живое существо". Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например, "человек" и "живое существо"» [Аристотель 1978а 2: 55–56 (2а 11–18)].

¹⁷ "Das *Onoma* bezieht sich auf ein Unbewegliches, das sich selbst ein von uns unabhängiges Wesen hat (Kratylos 368d–e), sofern es isoliert und ohne Verbindung mit dem *Rhema* betrachtet wird. Umgekehrt muß das *Rhema* dem Beweglichen zugeordnet werden, weil es sich auf eine Handlung (*Praxis*) bezieht" [Peng 1993: 96].

¹⁸ "Im Chinesischen gibt es keine formale Teilung von Beweglichem und Unbeweglichem" [Peng 1993: 150].

развиваются, В. Пенг видит, в частности, в наличии соответствия означаемого и означающего: в греческом языке оно есть, в китайском же означающее – лишь средство, заставляющее слушателя думать об означаемом [Peng 1993: 146]. Тем парадоксальнее звучит очевидный факт влияния европейской грамматической традиции на грамматику современного китайского языка, ср.: «Этот понятийный аппарат [современного (нового) китайского языка "байхуа" – О.Л.], включающий понятия слова, морфемы, частей речи, грамматических категорий и т.п., сложился, по всей видимости, не без влияния европейской традиции...» [Солнцев 1995: 5].

По мнению Дж. Лайонза части речи получили свое определение при помощи аристотелевских категорий, независимо от флексии¹⁹. Однако, как нам представляется, данная формулировка нуждается в одной весьма существенной оговорке: влияние друг на друга частей речи и категорий логики нельзя не признать взаимным, а преобладающий флексивный строй древнегреческого языка не мог не сыграть в становлении как первых, так и вторых в научном творчестве величайшего философа самой существенной роли. В. Пенг считает, например, что деление предложения на *бюца* и *рђма* в китайском языке в принципе невозможно, что связано с различиями менталитетов европейцев и китайцев [Peng 1993: 7].

Любопытно отметить, что начиная с середины прошлого столетия Аристотеля упрекают в том, что он вывел свои категории из грамматической структуры греческого языка. Ученый подвергается критике как со стороны философов, так и со стороны языковедов. Первым, кто указал на то, что аристотелевские категории – следствие грамматической структуры греческого языка, его частей речи и членов предложения, был А. Тренделенбург [Trendelenburg 1846]. Х. Штейнталь упрекает Аристотеля и в том, что он нечетко сформулировал отношения между языком и логикой, и что у него нередко совпадали понятия бытия, говорения и мышления [Steinthal 1971, I: 204]. А.Г. Сейс писал о том, что аристотелевское учение о категориях и его логика слишком непосредственно отражают деление предложения на субъект и предикат, которое, бесспорно, имеет место в индоевропейских, но не обязательно во всех языках [Sayce 1880, 2: 329]. И, пожалуй, резче и парадоксальнее всего выразил эти мысли Ф. Маутнер: "Вся логика Аристотеля – не что иное как рассмотрение греческой грамматики с одной интересной точки зрения. Если бы Аристотель говорил по-китайски или на языке индейцев дакота, он бы неизбежно пришел к другой логике или хотя бы к другому учению о категориях" [Mauthner 1969 3: 4] (перевод наш – О.Л.).

Впоследствии еще многие исследователи критиковали Аристотеля за смешение онтологического, логического, психологического и грамматического, что в сущности является просто недоразумением, ср.: "Что касается онтологического статуса *логоса*, этот термин допускает и лингвистическое (речь), и психологическое (мысль), и объективное (обоснование вещей) толкование, причем сам Аристотель прибегал к каждому из них в зависимости от того, какой аспект исследуемого явления интересовал его в данном случае. Распространенное мнение, будто Стагирит путал логическое с грамматическим, следует считать полным недоразумением" [Микеладзе 1978: 8]²⁰.

Говоря об античном языкознании, никогда не следует забывать о той общей научной парадигме, в которой развивалось и функционировало языкознание (точнее то, что входит в состав современного понимания термина "языкознание"). Грекам принадлежит заслуга создания в основных чертах четырех лингвистических дисциплин: первая не имела собственного названия и занималась вопросами *теории языка*, три

¹⁹ «Die 'Redeteile' selbst wurden ebenfalls unter Bezug auf die aristotelischen 'Kategorien' (unabhängig von der jeweiligen Flexion aufgrund der 'akzidentellen' Kategorien wie Kasus, Tempus, u.s.w.) definiert. Nomina wurden gemäß ihrem 'Bedeutungsmodus' als Wörter definiert, die sich auf 'Substanzen' beziehen (daher der Terminus 'Substantiv'), Adjektive als Wörter, die die 'Eigenschaften' angaben, u.s.w.» [Lyons 1973: 277].

²⁰ То же самое относится и к Платону, ср.: «В значениях слов *λόγος*, *бюца* и *рђма* в "Софисте" логические и грамматические моменты слиты воедино, в словах *бюца* и *рђма*, кроме того, синтаксический момент не отграничен от морфологического» [Перельмутер 1980а: 153].

другие были: *грамматика, риторика, диалектика*. Наряду с первым разделом грамматика описывала язык независимо от обстоятельств его использования. Риторика изучала использование языка для определенных целей, диалектика изучала употребление языка в научной и философской дискуссии [Cosegiu 1988: 20–21]. Объем термина "грамматика" в разные времена был различным, по-разному трактовали объем этого понятия и историки науки. В парадигме античной науки грамматика была тем, что называлось 'techne' – искусство, занимая свое место между "строгой наукой" – 'episteme', к которой относилась философия и астрономия, и 'empiria' – практическими знаниями и навыками вроде медицины и поварского искусства. Грамматика включала в себя, по сути дела, все языкознание и даже больше: в ее задачу входило не только учить правильно говорить и писать, но и учиться быть поэтом и оратором [Steinhal 1890, II: 187].

В связи с частеречной проблематикой не случайно говорят о стоиках как философской школе, в центре внимания которой находился язык, ср.: "Стоики, таким образом, создали теоретические предпосылки для возникновения науки о языке как самостоятельной дисциплины, но сами они этого не сознавали и продолжали, подобно своим предшественникам, рассматривать анализ языковых фактов как средство постижения законов мышления и законов бытия" [Перельмутер 1980б: 190]. Язык стоики рассматривали в разделе, называемом "логикой", которая «... подразделялась на диалектику и риторику, которые понимались соответственно как "наука о правильном рассуждении" и "наука об умении говорить красиво"». «В основе разработки диалектики лежало представление о знаковом характере слова-логоса, о необходимости различать "обозначающее" и "обозначаемое". ... учение о частях речи, т.е. формы и средства, они относили к области "обозначающего", а учение о грамматических категориях рассматривали как учение об "обозначаемом" т.е. о том, что мыслится относительно реальных форм речи» [Бокадорова 1990в: 495]. Для стоиков язык не был прямым отражением окружающей "природы": они были "аномалистами", отрицавшими прямую связь вещей и слов. Традиционно ранние стоики выделяли пять частей речи²¹, последующие добавили шестую – наречие. Важнейшими основаниями для распределения слов по частям речи для стоиков были их наиболее общие семантические и синтаксические признаки, которые "... рассматривались как универсальные формы развертывания логоса в языке, осуществляемые параллельно со звуковым (или любым другим субстанциональным воплощением), без которых звук перестает быть собственно языковым явлением" [Бокадорова 1990в: 495–496].

Значение стоиков в формировании теории частей речи И.А. Перельмутер видит в следующем: «1) в противоположность Аристотелю стоики отличали части речи от языковых единиц иного порядка и рассматривали учение о частях речи как особую область своих размышлений; 2) распределение различных категорий слов по частям речи построено у стоиков на значительно более рациональной основе, чем у Аристотеля (это относится к таким частям речи, как "члены" и "союзы"); 3) в отличие от Аристотеля стоики рассматривали вспомогательные, служебные части речи как наделенные значением...; 4) к известным ранее частям речи стоики присоединили еще одну – наречие» [Перельмутер 1980б: 192]. Однако даже не собственно в этом – почти лингвистических акцентах, номенклатуре частей речи и критериях их классификации – мы видим решающее значение стоиков в развитии теории частей речи: стоики предвосхитили появление александрийской грамматики, ставшей канонической "тради-

²¹ «Частей речи имеется пять (так говорят Хрисипп и Диоген в книге "О звуке"): имя, нарицание, глагол, союз, член; Антипатр (в книге "О слове и высказываемом") добавляет еще "посредство". (Посредством Антипатр называл наречие (примечание автора – О.Л.)). Наричание, по Диогену, – это часть речи, обозначающая общее качество, например, "человек", "конь". Имя – это часть речи, выявляющая единичное качество, например, "Диоген", "Сократ". Глагол – это часть речи, обозначающая несоставное сказуемое (так говорит Диоген), или же несклоняемая часть речи (по мнению иных), обозначающая что-то сочетаемое с чем-то единым или многим, например, "пишу", "говорю". Союз есть несклоняемая часть речи, связывающая части речи. Член есть склоняемая часть речи, различающая роды и числа имен, например, *ho, hē, to, hoi, hai, ta*» [Диоген Лаэртский 1979: 286 (VII 57–58)].

ционной" грамматикой на многие последующие века, ср.: «Учение стоиков о языке оказало значительное влияние на формирование александрийской школы и на древнеримские штудии в области языка. Выдвинув понятие аномалии в качестве принципа строения языка, стоики способствовали разработке проблем системных и несистемных факторов в строении языка, выступавших в истории языкознания в виде "спора аналогии и аномалии"..."» [Бокадорова 1990в: 496]. Столкновение философии стоиков и филологии александрийцев оценивается многими исследователями как толчок к появлению, развитию и расцвету научной грамматики²².

Значение александрийских филологов заключается в том, что «... александрийская школа разработала учение о языке на всех ярусах его строения, начиная с "элементов, или букв"» [Бокадорова 1990а: 27], в том числе и грамматику, которая до сих пор называется "традиционной". Необходимо отметить, что грамматика для александрийцев была своего рода вспомогательной дисциплиной в области литературной критики, которая включала в себя шесть основных разделов (μέρη): 1. громкое чтение (ἀνὰ γυνωσις), 2. объяснение тропов, 3. объяснение устаревших и редких слов и содержания (γλῶσσαι), 4. этимология, 5. установление аналогий (ἀναλογίας ἐχλογισμός) и 6. литературная критика (κρίσις ποιημάτων) [Cherubim 1976: 124]. Это – получившая свою более или менее законченную форму грамматика греческого языка. Грамматика Дионисия Фракийского (170–90 г.г. до н.э.) – ученика Аристарха Самофракийского – это первое наиболее объемное и систематическое описание греческого языка. В противоположность стоикам александрийцы были "аналогистами", их поиск закономерностей языка привел к установлению флективных "канонов". Сначала у Аристарха, затем у его ученика Дионисия мы находим "священные"²³ восемь частей речи: ὄνομα, ῥῖμα, μέτοχή, ἄρθρον, ἀντωνυμία, προθεσις, ἐπίρρημα, σύνδεσμος, которые они классифицировали преимущественно по морфологическим и семантическим критериям. (При анализе последующих теорий создается впечатление, что большинство исследователей вместо собственно анализа языкового материала ищут лишний повод доказать неизбежность концепции Дионисия, предлагая для нее все новые и новые обоснования, ср.: "Bei einer Mischung von verschiedenen Kriterien zur Klassifikation der Wortarten unterscheiden sich die Ergebnisse kaum oder nur gering voneinander und damit auch nicht von dem System, wie wir es schon bei Dionysios Thrax finden..." [Bergenholtz, Schaefer 1977: 25].)

С созданием александрийской грамматики история развития теории частей речи, казалось, достигла тех вершин, на которые впоследствии никто не смог подняться: вся последующая история теории частей речи так или иначе была связана с восьмью частями речи древнегреческого языка, предложенными Дионисием Фракийским. Еще один – типологический – парадокс частеречной теории состоит в том, что *один* язык с ярко выраженными признаками флективного типа оказался матрицей для описания многочисленных языков – языков иных типов и иных семей²⁴, ср.: «... античная грамматическая традиция описания языка по частям речи и грамматическим категориям ("акциденциям") легла в основу не только европейского языкознания, но и ряда традиций средневекового Востока» [Бокадорова 1990б: 35].

Римские грамматисты ревностно продолжали эллинистическую грамматическую традицию. И не случайно: у римских аристократов все греческое было *в моде*, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим

²² "Der Zusammenstoß von sprachtheoretischen Entwürfen aus der stoischen Philosophie einerseits und der alexanrinischen Philologie andererseits führt in weniger als einem Jahrhundert zur Entstehung, Entfaltung und Blüte der wissenschaftlichen Grammatik" [Borsche 1988: 17].

²³ "Multi plures, multi vero pauciores partes esse dixerunt. Modo autem octo universalis tenet ecclesia. Quod divinitus inspiratum esse non dubito" [Michael 1970: 51].

²⁴ «Wenn wir die europäische Grammatiktradition betrachten, so sehen wir, daß sich die Wortarten der griechisch-lateinischen Grammatik noch immer behaupten. Wir finden z. B. in heute verwandten Grammatiken, besonders in solchen für die Grundschule, jene Wortarten, wie sie bereits Aristarch von Samothrake (217–145) "definiert" hatte..." [Rieser 1980: 42].

языком; вырастая, они оказывались под влиянием *престижных* греческих языковых образцов. Один из них – М.Т. Варрон (116–27 г. г. до н.э.) – отчетливо продемонстрировал в своем творчестве влияние как стоиков, так и александрийцев. Его грамматика, как и последующие римские грамматики, состояла из тех же трех частей, что и грамматика Дионисия Фракийского²⁵. При трактовке частей речи латинского языка римские грамматисты проводили различия по отношению к греческому только там, где этих различий не заметить было просто нельзя. Факт типологического сходства греческого и латыни приводил к мнению, что разработанные греческими учеными грамматические категории – а среди них и части речи – универсальные и необходимые языковые категории.

Эра Элия Доната (ок. 400 г. н.э.) и Присциана (ок. 500 г. н.э.) стала классической эрой латинской грамматики. "Ars minor" и "Ars maior" Э. Доната были написаны непосредственно для использования в обучении латинскому языку и не содержали теоретического введения, равно как и современные ему грамматики Диомеда и Присциана. "Ars grammatica" последнего также служила практическим учебным целям. Все эти сочинения, описывающие язык Цицерона и Вергилия, были наиболее значимыми учебниками латыни и в Европе – вплоть до нового времени. О значении этих произведений, так или иначе переписанных с "Грамматики" Дионисия Фракийского, в культурной жизни Европы, свидетельствует хотя бы тот факт, что грамматика латинского языка Э. Доната была первой книгой, напечатанной И. Гутенбергом, она же была первой французской печатной книгой.

Вопрос о пригодности античной схемы частей речи для современного языкознания, в той или иной форме задававшийся во всех фундаментальных исследованиях по теории грамматики вообще и теории частей речи в частности, по нашему мнению, обречен на утвердительный ответ. То, что греческие философы привели человечество к тому, что называется "частями речи" – очевидная истина. Наблюдательные греки предложили последующим поколениям метод подхода к описанию своего родного языка, однако их последователи переняли именно не метод, а схему – восемь частей речи Дионисия Фракийского²⁶. Обоснование ими существования как в европейских, так и в т.н. "экзотических" языках тех же или почти тех же частей речи, что и в древнегреческом, еще более усилило позиции античной теории, ср.: "... образцом грамматики любого иностранного языка служили греческие и латинские грамматики или грамматики родного для автора языка" [Солнцев 1995: 4].

То, что восходящая к античности и существующая поныне номенклатура частей в целом отвечает практическим потребностям описания и изучения языков, отмечали многие исследователи²⁷. На этом фоне несколько непривычными кажутся попытки обоснования номенклатуры частей речи, состоящей из нескольких десятков конституентов (51 в работе [Bergenholtz, Schaefer 1977]). Однако исследования такого плана чрезвычайно важны для теории частей речи, но хотелось бы терминологически отграничить их именно от частей речи. Они, в общем, не противоречат "традиционной" грамматике.

Теория частей речи должна тщательно анализировать все грамматические признаки частей речи, чтобы выявить их релевантность, иерархию и взаимодействие для каждого "класса слов" отдельно взятого языка, чтобы путем их последующего синтезирования прийти к выявлению общих закономерностей. Общая теория частей

²⁵ Как известно, грамматика включала три обязательных раздела: первый определял цель грамматики как искусства – как правильно говорить и понимать поэтов; второй рассматривал части речи и их изменения по временам, залогам, падежам, числам и т.п., третий занимался преимущественно вопросами стиля.

²⁶ "Es ist bewundernswert, mit welcher Schärfe und Klarheit diese frühen Denker die grundgelegten Formenprägungen ihrer Muttersprache erkannt und herausgearbeitet haben" [Glinz 1957: 29].

²⁷ "... есть полное основание считать, что классы слов, установленные традиционной (так называемой "школьной") классификацией частей речи, в основном соответствуют реальной действительности (по крайней мере для языков типа европейских) и могут служить достаточно твердой отправной точкой для дальнейшего изучения этой проблемы» [Жирмунский 1976: 62].

речи не должна слепо и автоматически списываться с античной схемы, но самый факт нередких совпадений, обоснованных различными исследователями частей речи во многих, прежде всего, флективных языках, говорит лишь о величайшей теоретической ценности исследований античной логики, риторики и грамматики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель* 1978а – Категории // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978.
- Аристотель* 1978б – Об истолковании // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978
- Бокадорова Н Ю* 1990а – Александрийская школа // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
- Бокадорова Н Ю* 1990б – Античная языковедческая традиция // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бокадорова Н Ю* 1990в – Стоики // Ярцева В.Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Бочаров В А* 1984 – Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий). М., 1984.
- Диоген Лаэртский* 1979 – Зенон // Диоген Лаэртский: О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
- Жирмунский В М* 1976 – О природе частей речи и их классификации // Жирмунский В.М.: Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Звегинцев В А* 1984 – О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон: Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Лебедев А.В* 1983 – Аристотель // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Лосев А Ф* 1968 – Жизненный и творческий путь Платона // Платон: Сочинения в 3 томах. Т. 1. М., 1968.
- Микеладзе З Н* 1978 – Основоположения логики Аристотеля // Аристотель: Сочинения в 4 томах. Т. 2. М., 1978.
- Перельмутер И А* 1980а – Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Перельмутер И А* 1980б – Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Солнцев В М* 1995 – Введение в теорию изолирующих языков в связи с общими особенностями человеческого языка. М., 1995.
- Спиркин А Г, Ярошевский М Г* 1983 – Категории // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Тронский И М* 1941 – Учение о частях речи у Аристотеля // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – Вып. 7. № 63.
- Arens H* 1969 – Sprachwissenschaft der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg in Breisgau, 1969.
- Aristoteles* 1968 – Kategorien. Lehre vom Satz (Peri hermenias) Hamburg, 1968.
- Auriou S* 1988 – Beazée und die Universalität der Wortarten // Schlieben-Lange B. Ivo H. (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Hf. 76, 1988).
- Bergenholtz H, Schaefer B* 1977 – Die Wortarten des Deutschen. Versuch einer syntaktisch orientierten Klassifikation. Stuttgart, 1977.
- Boische T.* 1988 – Quid est? Quot accidit? Notizen zur Bedeutung und Entstehung des Begriffs der grammatischen Akzidenzien bei Donatus // Schlieben-Lange B., Ivo H. (Hrsg.) Wortarten. (Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. Hf. 76, 19, 1988)
- Cherubim D* 1976 – Grammatische Kategorien: das Verhältnis von "traditioneller" und "moderner" Sprachwissenschaft. Tübingen, 1976
- Coseriu E* 1988 – Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen, 1988.
- Gasser H* 1984 – Wortart oder Lexemklassen oder...? Zu Fragen grammatischer Begriffsbildung // Deutsche Sprache. Bd. 1, 1984.
- Glinz H* 1957 – Der deutsche Satz. Wortarten und Satzglieder wissenschaftlich gefaßt und dichterisch gedeutet. Düsseldorf, 1957.
- Ivič M* 1971 – Wege der Sprachwissenschaft. München, 1971.
- Koller W* 1988 – Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart, 1988.
- Lyons J* 1973 – Einführung in die moderne Linguistik. München, 1973.
- Mauthner F* 1969 – Beiträge zur Kritik der Sprache. Bd. 1–3. Hildesheim, 1969.
- Michael I* 1970 – English grammatical categories and the tradition to 1800. Cambridge, 1970.
- Paul L* 1978 – Geschichte der Grammatik im Grundriß: Sprachdidaktik als angewandte Erkenntnistheorie und Wissenschaftskritik. Weinheim, Basel, 1978.
- Peng W* 1993 – Onoma und Logos. Interpretation des platonischen Dialogs 'Kratylos' mit einem Exkurs ins 'Organon'

- des Aristoteles und einem Anhang über die chinesische Philosophie Tübingen, Diss., 1993
- Riese H* 1980 – Prinzipien und Anspruch einer grammatischen Beschreibung natürlicher Sprachen mit Hilfe formaler Sprachen // Ballweg, Joachim / Glinz, Hans (Hrsg.) Grammatik und Logik Düsseldorf 1980
- Rijlaarsdam J C* 1978 – Platon über die Sprache Mit einem Kommentar zum Kratylos Mit einem Anhang über die Quelle der Zeichentheorie Ferdinand de Saussures Utrecht, 1978
- Robins R H* 1966 – The development of the word class system of the European grammatical tradition // Foundations of language 2, 1966
- Sayce A H* 1880 – Introduction to the science of language V 1–2 London, 1880
- Steinthal H* 1890 – Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern (mit besonderer Rücksicht auf die Logik) Bd 1–2 Berlin, 1890
- Tiendelenburg A* – 1846 – Geschichte der Kategorienlehre zwei Abhandlungen Berlin, 1846
- Weizsäcker C F von* 1979 – Die Einheit der Natur München, 1979